

169125

Левъ Толстой

въ послѣдній годъ ею жизни

83.3(2Рос=Рус) 1 - ЦГБ, ТФ
590

ДНЕВНИКЪ
секретаря Л. Н. Толстого
В. О. Булгакова

83.3 (290 с = РУС) 1
590

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

ВЪ

ПОСЛѢДНІЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ

ДНЕВНИКЪ
СЕКРЕТАРЯ Л. Н. ТОЛСТОГО
В. Ф. БУЛГАКОВА

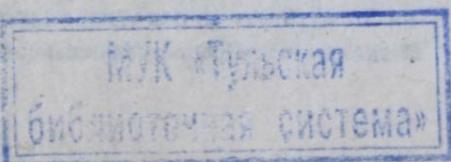
В. Ф.

Издание второе, исправленное и дополненное,
съ портретомъ
Л. Н. ТОЛСТОГО

МОСКВА — 1918

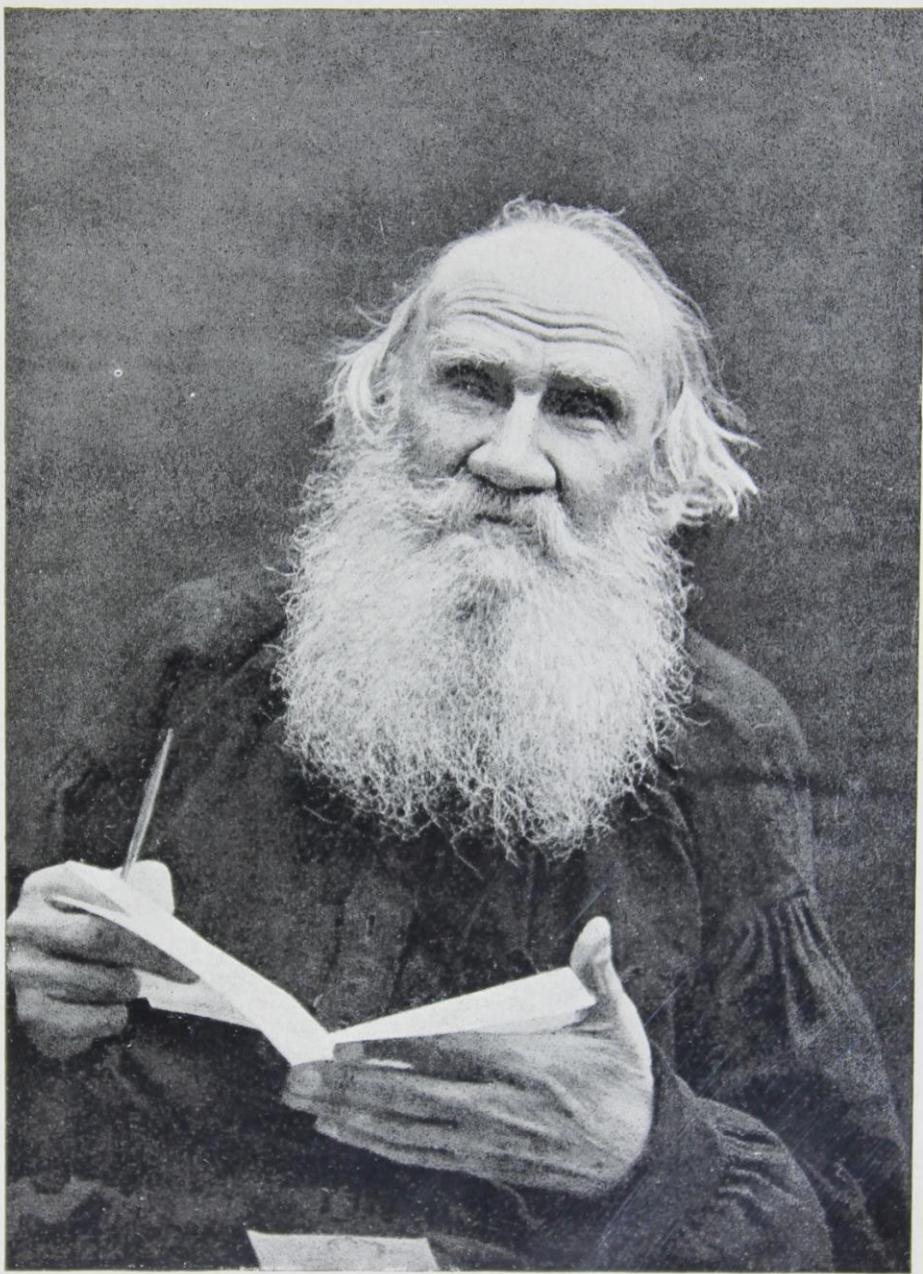
прежняго изданія. Читатели поймуть мотивы тѣхъ невольныхъ сокращеній и умолчаній, какія еще остаются въ книгѣ, и извинятъ эти умолчанія и сокращенія.

Обликъ великаго, дорогого Льва Николаевича,—какъ онъ сложился при закатѣ его свѣтлыхъ дней,—надѣюсь, все-таки достаточно обрисовывается и выясняется по ознакомленію съ той, главной, частью всего находящагося въ моемъ распоряженіи материала, которая и составляетъ эту книгу.

И если, дѣйствительно, какъ отмѣтили критика и публика по поводу первого изданія дневника, незатѣйливыя страницы моихъ скромныхъ свидѣтельскихъ записей, въ результатѣ ихъ прочтенія, даютъ возможность почувствовать живого *Льва Николаевича*,—то лучшей похвалы, высшей оценки я бы не желалъ. Я счастливъ передать другимъ людямъ хоть слабый отблескъ того яркаго луча, какой озарялъ мою душу въ течение всего времени личнаго общенія съ Л. Н. Толстымъ.

Вал. Булгаковъ.

Москва, 1918 г.

Л. Н. Толстой въ 1910 году.

Первое знакомство съ Л. Н. Толстымъ.

(23 августа 1907 года).

Впервые я познакомился съ Л. Н. Толстымъ лично 23 августа 1907 года, въ бытность студентомъ историко-филологического факультета Московского университета.

Я только что прочелъ „Исповѣдь“ и „Такъ что же намъ дѣлать“, не на шутку заинтересовался и увлекся этими книгами, всюду спорилъ и ратовалъ „за Толстого“ и, для проверки нѣкоторыхъ возникшихъ у меня сомнѣній и вопросовъ, рѣшился, возвращаясь по окончаніи лѣтнихъ каникулъ въ Москву съ родины, изъ Сибири, заѣхать въ Ясную Поляну.

Утромъ, въ теплый и солнечный августовскій день, подошелъ я къ террасѣ приземистаго яснополянского домика. Вижу, сквозь зелень дикаго винограда, — на террасѣ вѣтъ паръ отъ самовара. Подымаюсь на двѣ-три ступеньки.

Молодая дама хлопочетъ около чайного стола.

— Можно видѣть Льва Николаевича?

— Можно. Только онъ сейчасъ гуляетъ... Но, вѣроятно, скоро вернется. Подождите немного.

Я отхожу въ сторонку и усаживаюсь на скамейку, подъ старымъ развесистымъ деревомъ съ колоколомъ, противъ самаго входа въ домъ. Тогда я не зналъ еще, что дерево это — старый вязъ — носить въ Ясной Полянѣ название „дерева бѣдныхъ“.

Молодой человѣкъ въ косоворотѣ и пиджакѣ показывается изъ аллеи, ведущей къ дому отъ вѣзда въ усадьбу, здоровается со мной и такъ же, какъ я за минуту передъ тѣмъ, осведомляется о Л. Н-чѣ. Онъ — крестьянинъ и прѣхалъ специально для того, чтобы поговорить съ Толстымъ по серьезному вопросу. Я предлагаю молодому человѣку присѣсть на скамью.

Не безъ волненія оглядываясь вокругъ, въ ожиданіи Л. Н-ча, я, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, вдругъ увидалъ приближающагося со стороны фруктоваго сада довольно

высокаго и стройнаго старика, въ лѣтней шляпѣ изъ свѣтлой матеріи съ прямыми широкими полями, въ длинной полотняной рубахѣ и въ высокихъ сапогахъ. Задумчиво склонивъ голову и опираясь на трость, старикъ,—вся фигура котораго дышала необыкновенной значительностью,—быстрыми шагами приближался къ дому. Сѣдая борода блестѣла на солнцѣ...

Безъ сомнѣнія, это былъ Толстой.

Я вскочилъ со скамейки, не помня себя.

— Левъ Николаевичъ! — едва успѣль я выговорить, обращаясь къ сосѣду.

— Что? Гдѣ?!

Но Толстой уже стоялъ подлѣ насъ.

— Что вамъ угодно? — отрывисто и дѣловито обратился онъ ко мнѣ первому.

Но я, какъ завороженный, глядѣлъ на это мужественное и суровое, безъ улыбки, лицо и молчалъ. Небольшіе, старческие, мутные и отцевѣтшіе, но колючіе, проницательные сѣроголубые глаза впились въ меня недружелюбнымъ, испытующимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей... Я собрался съ силами и невнятно пробормоталъ свою фамилію.

— Что вамъ угодно? — настойчиво и съ ясно выраженнымъ нетерпѣніемъ повторилъ Толстой.

Но я и на этотъ разъ не могъ сказать ему ничего вразумительнаго.

Толстой перевѣль глаза съ меня на крестьянина.

— А вы, навѣрное, поговорить со мной хотите?

— Да, Левъ Николаевичъ.

— Ага!.. Такъ вотъ мы съ вами пойдемъ, а вы здѣсь подождите, — сказалъ Толстой, повернувшись ко мнѣ.

И, въ сопровожденіи молодого человѣка, быстро стала удаляться по направленію къ парку.

Я остался одинъ.

Припоминая теперь эту встрѣчу, я могу привести лишь одно объясненіе той строгости, съ которой отнесся ко мнѣ Л. Н. въ первую минуту знакомства. Онъ, очевидно, принялъ меня за одного изъ тѣхъ любопытствующихъ, которые часто приходили къ нему просто за тѣмъ, чтобы „посмотрѣть на Толстого“. Отправляясь въ Ясную Поляну, я, по молодому неразумію своему, счѣль нужнымъ какъ можно элегантнѣе одѣться, и, навѣрное, въ томъ первомъ впечатлѣніи Льва Николаевича отъ особы юноши въ студенческой фуражкѣ „элегантность“ эта невольно сыграла роль большого минуса.

Но тогда? Смутился-ли я настолько, чтобы не быть въ

состояніи побороть это смущеніе? Напротивъ, оно растаяло такъ же быстро, какъ родилось. Вмѣсто него, мною овладѣло счастливое свѣтлое сознаніе, что я только что удостоился видѣть *самого Толстого!*.. Сознаніе это сопровождалось безусловной, непоколебимой увѣренностью, что, при какихъ бы обстоятельствахъ я ни познакомился съ Толстымъ, изъ свиданія и дальнѣйшаго общенія моего съ нимъ не можетъ выйти ничего, кромѣ *самаго прекраснаго, хорошаго и радостнаго.* Увѣренность эта не замедлила оправдаться.

Скоро Л. Н. и его спутникъ, разговаривая, показались изъ-за деревьевъ и подошли ко мнѣ.

— Вотъ, навѣрное, и этотъ молодой человѣкъ зараженъ той же эпидеміей! — произнесъ Толстой, указывая на меня.

— Какой, Левъ Николаевичъ?

— Эпидеміей — служить другимъ, всецѣло отдаваться этому служению...

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ.

— А-а!..

Толстой внимательно поглядѣлъ на меня.

— Вѣдь, помилуйте, — продолжалъ онъ: пишеть ко мнѣ шестнадцатилѣтній мальчикъ: „научите меня, какъ мнѣ сдѣлать больше добра людямъ“. Ну, какъ я буду учить его, скажите пожалуйста?..

Толстой сдѣлалъ беспомощный жестъ. Онъ хотѣлъ указать на необходимость личнаго совершенствованія для человѣка.

— Вы тоже хотѣли спросить меня о чёмъ-нибудь? — обратился онъ затѣмъ ко мнѣ.

Услышавъ утвердительный отвѣтъ, Л. Н. повернулся, и мы пошли по дорожкѣ въ паркъ.

Я заявилъ Льву Николаевичу о симпатіяхъ, которыя я питаютъ къ его религіозно-философскимъ взглядамъ.

— Очень радъ, очень радъ! — проговорилъ онъ, склонивъ голову и приготовляясь слушать.

Я высказался въ томъ смыслѣ, что ясное сознаніе истинности извѣстнаго міровоззрѣнія влечетъ за собою стремленіе провести его въ жизнь, слова мы должны претворять въ дѣла, и въ такомъ случаѣ позволительно требовать отъ нашихъ теоретическихъ построеній вообще, чтобы они не покидали практической почвы.

Толстой внимательно слушалъ.

— Я очень хорошо понимаю, что вы хотите сказать, — говорилъ онъ. — Но ваша ошибка заключается въ томъ, что вы хотите видѣть результаты вашей дѣятельности. Для чего? Я дѣ-

лаю добро и уклоняюсь отъ зла, и я знаю, что изъ того, что я дѣлаю добро, зла никогда не выйдетъ, — слѣдовательно, я долженъ только стремиться быть добрымъ. Fais ce que doit, advienne que pourra... Я долженъ творить добро, а что изъ этого выйдетъ, это дѣло Божье!.. Ошибка всѣхъ людей именно въ томъ-то и заключается, что они хотятъ знать результаты, но изъ этого, конечно, ничего не выходитъ и не можетъ выйти...

„Это—дѣло Божье“... Я жадно слушалъ рѣчъ Толстого, вглядываясь въ его серьезное, сосредоточенное лицо.

— Я вотъ сейчасъ ходилъ и думалъ,—продолжалъ Л. Н., приложивъ руку ко лбу и сосредоточенно глядя на землю,— и мнѣ все болѣе становится яснымъ, что такъ жить нельзя, какъ мы живемъ... Только что я видѣлъ лѣсника, объездчика, у него за плечами винтовка, и, вѣроятно, она заряжена,—значить, можетъ убивать!.. Развѣ же это допустимо?!

Л. Н. волновался. Видимо, потокъ мыслей, которыя имъ овладѣли сейчасъ, былъ возбужденъ въ немъ еще прежде моего вопроса, въ то время, какъ Л. Н. гулялъ одинъ въ паркѣ.

— Зломъ ничего не сдѣлаешь, зло лишь приводить къ злу. Вотъ мы сейчасъ ходимъ и говоримъ съ вами, такъ вѣдь мы вовсе не представляемъ чего-то совершенно разнороднаго между собой,—напротивъ: вы—Богъ и я—Богъ, божественность эта свойственна намъ обоимъ, и въ этомъ смыслѣ мы неотдѣлимы отъ единаго цѣлаго, которое есть Божество. И предположимъ, что я васъ убиваю,—такъ вѣдь это я убиваю Бога, я убиваю самого себя!—

Л. Н. порывисто обернулся въ мою сторону.

Вообще, онъ говорилъ тихимъ, но чрезвычайно внятнымъ и какимъ-то особенно проникновеннымъ голосомъ, невольно настраивающимъ и слушателя на соотвѣтственный тонъ. Но по временамъ голосъ его повышался, онъ шелъ быстрѣе, жестикулировалъ, волнуясь. Такъ было и въ этомъ случаѣ.

Понемногу мы углубились въ паркѣ, но въ концѣ одной аллеи Л. Н. повернулъ назадъ и затѣмъ сталъ прогуливаться по ней взадъ и впередъ. Лишь много времени спустя, я узналъ, что липовая аллея эта была любимой аллеей Л. Н-ча.

Меня интересовалъ вопросъ, какъ отнесся бы Л. Н. къ религіозной общинѣ или лигѣ, поставившей себѣ цѣлью объединеніе всѣхъ людей на почвѣ одинакового пониманія задачъ жизни въ духѣ христіанства, какъ оно разъяснено въ ученіи самого Толстого. Вопросъ этотъ я и не замедлилъ предложить, добавивъ еще, что каждый человѣкъ, какого бы соціального положенія онъ ни былъ, могъ бы опредѣлить *minitum* своихъ

потребностей, а остающиеся продукты своего труда уделять неимущимъ членамъ общества.

— Нужно, вообще, избѣгать всякаго формализма и принуждения,—сказалъ Л. Н.—Что же касается minimum'a, такъ кругъ человѣческихъ потребностей очень невеликъ. Но я вѣдь понимаю,—это свойственно вашему возрасту, все сводить на практическую почву... Вотъ я ужъ и вижу,—присовокупилъ онъ вдругъ,—я чувствую это, что внутреннее основаніе у насъ съ вами одно и то же, что мы стоимъ на одной почѣ, основа у насъ одна!..

Я предложилъ Л. Н-чу на разрѣшеніе свои сомнѣнія о соціализмѣ и обѣ общихъ среди интеллигентныхъ людей ссылкахъ на „желѣзное колесо исторического закона“. И къ тому, и къ другому Л. Н. отнесся совершенно отрицательно.

— Какъ же можетъ жизнь прежде когда-то жившихъ людей мѣшать намъ жить той жизнью, на которую указываетъ намъ наше сознаніе!

Кончая разговоръ, я попросилъ у Толстого позволенія задать ему еще два вопроса, изъ которыхъ одинъ имѣть для меня личный интересъ, а другой относится къ нему самому.

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите!

— Какъ вы относитесь къ Достоевскому? Это—мой любимый писатель.

— Вотъ какъ! Напрасно, напрасно! У него такъ все спутано—и религія, и политика... Но, конечно, это настоящій писатель, съ истинно-религіознымъ исканіемъ, не какъ какой-нибудь Гончаровъ.

Я приступилъ къ своему второму вопросу.

— Вотъ, Левъ Николаевичъ, когда приходится съ кѣмъ-нибудь разговаривать о вашемъ міросозерцаніи и защищать его, то часто слышишь одно возраженіе...

Я замялся.

— Какое?—подхватилъ Толстой: что Толстой говоритъ одно, а дѣлаетъ другое?

— Да,—отвѣтилъ я, улыбаясь столь неожиданной репликѣ.

Глубокое впечатлѣніе произвели на меня сказанныя затѣмъ Л. Н-чемъ слова о томъ, что для личныхъ расчетовъ, для имущественныхъ и связанныхъ съ ними вопросовъ онъ какъ бы умеръ, что онъ не считаетъ обязательнымъ и нужнымъ вмѣшиваться въ нихъ, что окружающая обстановка тяготитъ его и что ему тяжело жить въ ясно-польянскомъ домѣ.

— Вы только никому не передавайте того, что я вамъ сказалъ,—прибавилъ Л. Н.

— Задача каждого человѣка освободиться отъ порока, отъ грѣха. Конечно, степени приближенія къ христіанской жизни бываютъ разныя... Я освободился, насколько успѣлъ, отъ многихъ нехристіанскихъ побужденій, но во мнѣ ихъ много и осталось. Съ другой стороны, есть также люди, которые въ высокой степени достигли совершенства и живутъ настоящей христіанской жизнью. Вы никогда не слыхали о Дудченко? Нѣтъ. Такъ вотъ этотъ Дудченко *) вышелъ изъ барской жизни и живетъ совсѣмъ просто, самъ работаетъ, и г.... самъ выносить...

Тутъ Л. Н. стала разспрашивать меня о моей личной жизни, о нашей семье. Узнавъ, что я поступилъ въ университетъ отчасти и съ цѣлью воспользоваться дипломомъ для достиженія болѣе обеспеченаго материального положенія своего и родныхъ, Л. Н. сокрушенно покачалъ головой.

— Какъ развращаетъ молодежь этотъ университетъ!..

Въ это время мы уже подходили къ дому. Молодой человѣкъ въ пиджакѣ ожидалъ насъ, прохаживаясь у скамьи подъ деревомъ.

— Ну, теперь идемте, я дамъ вамъ брошюру по интересующему васъ вопросу, — обратился къ нему Толстой.

Куда и дѣвался тотъ суровый старикъ, который подошелъ ко мнѣ въ началѣ нашего разговора! Все обращеніе Л. Н-ча со мною и съ молодымъ крестьяниномъ дышало чарующей простотой и привѣтливостью.

Крестьянинъ, раздѣлившій со мною въ тотъ день счастье видѣть Толстого и говорить съ нимъ, интересовался, какъ я послѣ узналъ, вопросомъ о борьбѣ съ пьянствомъ. На эту тему онъ и бесѣдовалъ со Л. Н-чемъ.

Добрый хозяинъ провелъ насъ обоихъ въ свой кабинетъ и здѣсь, подведя къ полкѣ съ книгами, предложилъ выбирать тѣ брошюры, которыхъ у насъ нѣтъ. Онъ и самъ вынималъ книжки, читалъ ихъ заглавія и подавалъ намъ.

Л. Н. все искалъ одну брошюру о пьянствѣ и никакъ не находилъ. Наконецъ, онъ оставилъ насъ однихъ и отправился за нею внизъ, хотя оба мы и просили его не беспокоиться. Тутъ я еще разъ подивился его чисто юношеской походкѣ.

Вернувшись, Л. Н. передалъ брошюру крестьянину и, ме-

*) Митроф. Сем. Дудченко — одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ учениковъ Л. Н-ча. Въ свое время онъ окончилъ гимназію, а теперь живетъ съ большой семьей на своемъ хуторѣ подъ Полтавой, занимаясь земледѣліемъ и, вообще, по образу жизни превратившись въ настоящаго крестьянина. Въ 1914—1915 гг. онъ, вмѣстѣ съ другими единомышленниками Л. Н. Толстого, отбывалъ тюремное заключеніе за подписаніе воззванія противъ войны.

жду прочимъ, — это такъ характерно для него, — какъ бы мимоходомъ, заглянуль въ книжки, набранныя мною для себя:

— А вы что взяли?

Помню, я немножко сконфузился, потому что набралъ какихъ-то популярныхъ брошюрокъ „Посредника“, — о Сократѣ и пр., даже не книжекъ самого Л. Н-ча.

— А вотъ этой у васъ нѣть, — сказалъ Л. Н. и самъ подать мнѣ свое „Краткое изложеніе Евангелія“.

— А „Кругъ чтенія“ у васъ есть? — вдругъ спросилъ Толстой, обращаясь къ намъ обоимъ.

— Нѣть, — отвѣтилъ я.

— Есть, — отозвался крестьянинъ.

— Ахъ, это обязательно нужно имѣть! — воскликнулъ Л. Н. — Кстати, я не читалъ еще сегодня, — давайте-ка, прочтемъ вмѣстѣ.

Онъ усадилъ насъ обоихъ около круглого столика, самъ сѣлъ въ угловое кресло, открылъ страницу на 23-е августа и далъ мнѣ книгу. Я сталъ читать.

Л. Н. внимательно слушалъ, время отъ времени прерывая чтеніе короткими замѣчаніями, какъ, напримѣръ: „Чанингъ — это замѣчательный писатель“; или: „Вотъ вы обѣ этомъ спрашивали“; или: „А это, навѣрное, Раскинъ?“ (Такъ Л. Н. произносилъ вмѣсто употребительного по-русски „Рѣскинъ“; и, дѣйствительно, мысль оказалась принадлежащей Рѣскину).

— Знаете, — сказалъ Л. Н. по окончаніи чтенія: когда бы я ни сѣлъ за эту книгу, я всегда нахожу въ ней что-нибудь новое! А вѣдь я ее составлялъ и ежедневно читаю... Замѣчательная книга!

Прощаясь съ нами, Л. Н. порекомендовалъ намъ сходить къ В. Г. Черткову, жившему тогда за 5 верстъ отъ „Ясной Поляны“, въ дер. Ясенки.

— У васъ ноги молодыя, здоровыя: живо дойдете! — прибавилъ Л. Н.

Онъ спустился вмѣстѣ съ нами по лѣстницѣ внизъ.

Идя за Толстымъ, я набрался смѣлости и робко обратился къ нему съ просьбой: надписать на память то „Краткое изложеніе Евангелія“, которое онъ мнѣ далъ.

Л. Н. вдругъ обернулся на ходу, простоялъ и съ улыбкой, тономъ легкой укоризны, произнесъ:

— Вотъ этого я отъ васъ не ожидалъ!.. Именно отъ васъ! Нѣть, нѣть, этого не нужно!..

И онъ вошелъ на террасу, гдѣ, познакомивъ насъ съ дамой сидѣвшей у стола *), предложилъ чаю.

Еще разъ пожали мы руку Льва Николаевича. Хотѣлось совсѣмъ не разставаться съ нимъ!

Захвативъ пачку свѣжихъ газетъ, Л. Н. ушелъ обратно наверхъ.

Мы выпили по чашкѣ чаю и отправились въ дер. Ясенки, но сначала, по предложенію крестьянина, зашли къ С. Д. Николаеву, единомышленнику Л. Н-ча, извѣстному переводчику Генри Джорджа, проводившему съ семьей лѣто въ Ясной Полянѣ, на квартиру у одной крестьянки, со специальнouю цѣлью иногда видѣться съ Толстымъ. Затѣмъ отправились въ Ясенки, гдѣ и пробыли до 10 час. вечера въ гостепріимной и милой семье Черковыхъ, среди христіанской молодежи, гостившей въ Ясенкахъ, куда Л. Н. ежедневно приѣзжалъ верхомъ.

Была уже поздняя ночь, когда мы съ моимъ спутникомъ возвращались изъ Ясенокъ на станцію. Звѣзды безконечными огоньками мерцали въ вышинѣ. Шоссейная тульская дорога, по которой мы шли, блой лентой убѣгала все впередъ и впередъ... Кругомъ загадочно шелестѣли деревья.

А мы шли, изрѣдка переговариваясь, но больше молча перебирая каждый въ своей головѣ впечатлѣнія этого чуднаго, необыкновеннаго дня. И томительно хотѣлось снова вернуться въ эту обстановку, къ этому мудрецу-старцу, который, какъ солнце цвѣты, разъ обласканные имъ, прятывалъ насъ къ себѣ.

Но не безплоденъ былъ для насъ и этотъ день первой встречи: глубокой бороздою прошли и запечатлѣлись въ нашихъ умахъ и сердцахъ его впечатлѣнія.

*) Какъ я потомъ узналъ, это была Н. П. Иванова, изъ Тулы.

Вторая поездка въ Ясную Поляну.

(10 апреля 1908 года).

Прошло болѣе полугода послѣ моего первого посѣщенія Л. Н. Толстого, какъ я снова встрѣтился съ нимъ—10 апрѣля 1908 года.

Благодаря весенней распутицѣ, добраться отъ станціи до Ясной Поляны было теперь гораздо труднѣе, чѣмъ въ августѣ: снѣгъ еще не совсѣмъ стаялъ, всюду бѣжали ручьи, дорога превратилась мѣстами въ настоящее болото. Приходилось дѣлать значительные обходы, ворочаться назадъ и искать новой дороги, въ результатѣ чего три версты между станціей и деревней удлинились для меня, по крайней мѣрѣ, вдвое.

Но, наконецъ, достигъ я и Ясной Поляны. И вотъ—справа передо мною знакомый ея пейзажъ. Только теперь пологіе холмы были все еще покрыты пеленою грязнаго, рыхлаго, „весеннаго“ снѣга... Мнѣ вспомнились пространства золотой ржи, которой любовался я здѣсь лѣтомъ!..

Утро стояло пасмурное, моросилъ мелкій дождикъ, но въ воздухѣ чувствовалась весна.

Аллея, ведшая отъ башенокъ при вѣздаѣ въ усадьбу къ дому Толстыхъ, также имѣла печальный видъ: деревья и кусты стояли обнаженные, землю покрывалъ снѣгъ, прудъ замерзъ...

Подошедши къ дому, я увидѣлъ на занесенной снѣгомъ террасѣ незнакомаго пожилого господина, прогуливавшагося взадъ и впередъ. Кажется,—сколько припоминаю теперь,—это былъ М. С. Сухотинъ, зять Л. Н-ча, женатый на дочери его Татьянѣ Львовнѣ.

— Левъ Николаевичъ уже занимается въ своемъ кабинетѣ,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ о Толстомъ: вы хотите, чтобы ему сказали о васъ?

Что мнѣ было отвѣтить на это? Я зналъ, что Л. Н. выходитъ изъ своей рабочей комнаты только около 3 часовъ дня,

теперь было утро. Мне предстояло ждать около пяти часовъ. Но отрывать Л. Н-ча отъ работы и, вообще, стѣснять кого-нибудь въ домѣ было совѣстно, и я заявилъ господину, гулявшему на террасѣ, что отправлюсь въ деревню и тамъ подожду до 3 часовъ.

— Самое лучшее, самое лучшее! — одобрилъ онъ меня.

Придя въ 3 часа, я узналъ, что Л. Н. кончилъ заниматься и завтракаетъ.

— Я докладывалъ о васъ, — сказалъ мнѣ слуга: Л. Н. вѣсть знаетъ.

Въ это время въ переднюю вышелъ молодой человѣкъ въ простой сѣрой рубашкѣ и пригласилъ меня раздѣться и войти. Это былъ секретарь Л. Н-ча Ник. Ник. Гусевъ.

Мы вошли въ приемную комнату.

Здѣсь я нашелъ еще одного молодого человѣка, оказавшагося пианистомъ, профессоромъ московской консерваторіи А. Б. Гольденвейзеромъ (я слышалъ его однажды въ концертѣ, но здѣсь не сразу узналъ). Гольденвейзеръ также пріѣхалъ съ сегодняшнимъ утреннимъ поѣздомъ. Изъ-за перегородки скоро вышли — сынъ Л. Н-ча Левъ Львовичъ и тотъ господинъ, котораго утромъ видѣлъ я на террасѣ.

Завязался разговоръ. Меня разспрашивали о московской жизни, объ университѣтѣ, объ увлечениіи молодежи появившимся незадолго до того арцыбашевскимъ „Санинымъ“, объ отношеніи ея къ Толстому. Въ свою очередь, я спровился у Н. Н. Гусева объ отношеніи Л. Н-ча къ подготовлявшемуся тогда чествованію его 80-лѣтняго юбилея.

Н. Н. сообщилъ мнѣ, что Л. Н. относится къ этой затѣѣ безусловно отрицательно. Въ газетахъ сообщалось, будто Толстой выражалъ надежду, что юбилей сблизить людей, говорилъ: „хотите — празднуйте“, и даже писалъ лондонскому комитету по устройству чествованія о своемъ сочувствіи выработаннымъ комитетомъ формамъ чествованія (изданіе сочиненій Толстого и пр.). Оказалось, что все это — неправда.

— Вѣрьте только тому, — говорилъ мнѣ Гусевъ, — что было подписано самимъ Лѣвомъ Николаевичемъ; вѣдь вы читали его письма, гдѣ онъ отказывается отъ чествованія и высказываетъ отрицательное отношеніе къ юбилею? Вотъ только съ ними и считайтесь. А газетныя сообщенія объ Ясной Полянѣ, вообще, очень часто страдаютъ неточностью...

Скоро Левъ Львовичъ, Гольденвейзеръ и тотъ, кого я теперь, припоминая, считаю Сухотинымъ, вышли. Оставшись съ Гусевымъ, я рассказалъ ему о своемъ намѣреніи выйти изъ

университета и о колебаніи, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ друзей, рѣшился на этотъ шагъ.

— Ну, что вамъ дастъ университетъ! — воскликнулъ Николай Николаевичъ.—Выходите!..

Покинулъ комнату и Гусевъ. Я остался одинъ.

Черезъ минуту скрипнула дверь, и вошелъ Л. Н. Снова я увидѣлъ его коренастую, немнога согбенную фигуру и строгое лицо, обрамленное сѣдой бородою. Такъ же онъ былъ въ рубахѣ, но только черной, а не бѣлой, опоясанной кожанымъ ремнемъ, въ сѣрыхъ брюкахъ и высокихъ простыхъ сапогахъ; стальная цѣпочка отъ часовъ виднѣлась изъ бокового кармана рубашки.

— Извините, что я такъ долго не могъ васъ видѣть, — сказалъ Л. Н., протягивая мнѣ руку и усаживаясь: меня тамъ задержали...

Я рассказалъ Л. Н-чу о нѣкоторыхъ моментахъ своей личной жизни, которую я хотѣлъ привести въ согласіе съ положеніями раздѣляемаго мною его міровоззрѣнія. И, между прочимъ, въ тѣхъ же словахъ, что и Гусеву, передалъ ему свои колебанія относительно выхода изъ университета и о томъ, что я пока остался въ университѣтѣ.

И вотъ тутъ я неожиданно услыхалъ изъ устъ самого Толстого нѣчто совершенно противоположное тому, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ высказалъ мнѣ по тому же поводу его послѣдователь и секретарь.

— И прекрасно сдѣлали, что остались! — тотчасъ съувѣренностью воскликнулъ Л. Н.—Не слѣдуетъ никогда увлекаться стремлениемъ къ преждевременной перемѣнѣ видающаго положенія, — пояснилъ онъ затѣмъ. — Ибо прежде всего нужно заботиться о внутренней перемѣнѣ въ себѣ самому, въ ходѣ своихъ мыслей, въ работѣ сознанія. И какъ только человѣкъ достигнетъ извѣстной степени внутренняго совершенства и проясненія сознанія, такъ сами собой послѣдуютъ и всѣ видимыя перемѣны въ жизни. Начинать же съ нихъ — невозможно, да и тщетно, потому что въ такихъ случаяхъ легко можетъ наступить раскаяніе, разочарованіе въ новой жизни.

Въ связи съ основными принципами ученія Л. Н-ча вообще, я коснулся его взгляда на искусство.

— Я никогда не отрицалъ искусства, — сказалъ Л. Н., — напротивъ, я выставлялъ его какъ неизбѣжное условіе разумной человѣческой жизни, но лишь поскольку оно содѣйствуетъ общенію людей между собою... Вы сами также занимаетесь какимъ-нибудь искусствомъ? Литературою? Что же васть при-

влекаетъ, стихи или беллетристика? Беллетристика... Видите-ли, нынче такъ много писателей — всякий хочетъ быть писателемъ!.. Вотъ я увѣренъ, что среди почты, которую только что привезли, непремѣнно есть нѣсколько писемъ отъ начинающихъ писателей. Они просятъ ихъ прочесть, напечатать... Но въ литературѣ нужно соблюдать своего рода цѣломудріе и высказываться лишь тогда, когда это становится необходимымъ. По моему мнѣнію, писатель долженъ брать то, что до него не было описано или представлено. А то что-жъ, это всякий можетъ написать: „Солнце сіяло! трава“... и т. д. Вотъ вы спрашивали, какъ начинать писать я. Что же... это было „Дѣтство“... И вотъ, когда я писалъ „Дѣтство“, то мнѣ казалось, что до меня никто еще такъ не почувствовалъ и не изобразилъ всю прелесть и поэзію дѣтства... Повторяю, и въ литературѣ нужно цѣломудріе... Вотъ сейчашъ я работаю надъ сводомъ моихъ мыслей *), такъ я по двѣнадцати разъ переписываю одно и то же. Такъ осмотрительно, цѣломудренно долженъ относиться писатель къ своей работѣ... Это будетъ, вѣроятно, уже моя послѣдняя работа, — прибавилъ Левъ Николаевичъ.

Слова эти болѣно отзывались у меня въ сердцѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ разъ незадолго передъ этимъ Л. Н. перенесъ нѣсколько болѣзнейныхъ обмороковъ, сильно подействовавшихъ на состояніе его здоровья. Теперь, онъ, правда, оправился, но... видимо, и самъ слишкомъ помнилъ о нихъ.

— Левъ Николаевичъ, — сказалъ я: у меня была еще одна причина, почему я рѣшился пріѣхать сюда. Недавно я прочелъ въ газетахъ объ одномъ случаѣ съ вами, когда на тульской дорогѣ проѣзжіе мужики оскорбили васъ... Правдали это? **).

— Да, — отвѣтилъ Толстой, — такъ это давно уже было!.. Они просто обругали мѣня... по-материнному.

— Прочитавши объ этомъ, я не могъ удержаться, чтобы лично не выразить вамъ своего сочувствія... и не сказать, что есть люди, которые слѣдятъ за вашей жизнью и дѣятельностью, чувствуютъ вмѣстѣ съ вами...

*) Л. Н. былъ занятъ новой переработкой своего „Круга Чтенія“, съ цѣлью придать ему болѣе строгій, систематический видъ.

**) Привожу здѣсь, со словъ московской газеты „Руль“, описание этого печального случая. Однажды Л. Н. гулялъ по тульскому шоссе. По дорогѣ его нагнали розвальни, съ сидѣвшими на нихъ пьяными людьми. Поравнявшись съ Л. Н-чемъ, они закричали: — „Безбожникъ, анархистъ!“ А одинъ изъ компаний задалъ вопросъ: „Когда подохнешь, ваше сіятельство?“ Л. Н. подошелъ къ розвальнямъ и отвѣтилъ: „Когда Богъ дастъ. Только зачѣмъ ты такъ злишься? Что я тебѣ сдѣлалъ?“ Снова насмѣшки, ругань... На Л. Н-ча вся эта дикая исторія произвела тяжелое впечатлѣніе.

— Да, да, я это думаю, мнѣ такъ кажется, — произнесъ Толстой. — Ваше сочувствіе для меня, конечно, очень пріятно, только... (онъ улыбнулся) у меня въ молитвѣ... Я вѣдь составилъ молитвы, которыя припоминаю себѣ каждый день... Такъ вотъ, тамъ я говорю: „радуйся, когда тебя ругаютъ!“ Радуйся тому, что эта ругань, право, загоняетъ тебя внутрь самого себя, заставляетъ въ себѣ самомъ сосредоточиться...

— Ну, прощайте! — приподнялся Л. Н. — Я теперь усталь и занятъ... Желаю вамъ всего лучшаго!..

Л. Н. протянулъ мнѣ руку и поцѣловалъ меня.

— Вы подождите здѣсь немнogo, — добавилъ онъ затѣмъ: сейчасъ придетъ Николай Николаевичъ, и я дамъ вамъ прощать вмѣстѣ одно письмо, которое я только что получилъ отъ Молочникова, тоже христіанина и очень душевнаго человѣка... Онъ привлеченъ къ суду и обвиняется въ распространеніи моихъ сочиненій.

Л. Н. вышелъ. Скоро онъ снова показался въ передней и остановился тамъ, встрѣтивъ Гусева. Я подошелъ къ нимъ,

— Нѣтъ, я чувствую, что пойду въ Петербургъ, — говорилъ, волнуясь, съ письмомъ въ рукахъ, Л. Н.: дѣло разбирается тамъ въ маѣ... Вѣдь это что же такое? Вѣдь явно привлеченъ долженъ быть я, настоящій виновникъ, а они Молочникова трогаютъ... *)

Его сгорбленная фигура въ черной рубашкѣ быстро поднялась по лѣстницѣ и исчезла за косякомъ двери. „Навсегда!“ — подумалъ я въ волненіи. Я уже не надѣялся встрѣтить больше Л. Н-ча.

Письмо и копію съ обвинительного акта, которую также прислалъ Молочниковъ, читали вмѣстѣ Николай Николаевичъ, я, Гольденвейзеръ, Левъ Николаевичъ и третій, незнакомый мнѣ, гость Толстыхъ. Левъ Львовичъ вспомнилъ, какъ однажды и онъ судился за изданіе одной брошюры отца.

Когда я уходилъ, Н. Н. Гусевъ вышелъ проводить меня въ переднюю.

— Охраняйте Льва Николаевича, — невольно сорвалось у меня въ послѣднюю минуту.

Изъ воротъ Ясной Поляны я вышелъ безъ шапки, прощаюсь, — какъ я думалъ тогда, — навсегда съ прославленнымъ мѣстечкомъ и съ дорогимъ учителемъ.

*) Въ Петербургъ Л. Н. не поѣхалъ, но въ іюнѣ я прочиталъ въ „Руси“ его письмо, въ которомъ онъ, обращая вниманіе на несправедливость мѣры, принятой противъ Молочникова (посаженнаго на 1 годъ въ крѣпость), просилъ властей взять и подвергнуть наказанію его самого, какъ автора инкриминируемыхъ статей.

Третья поездка въ Ясную Поляну.

(23—24 декабря 1909 года).

Вскорѣ послѣ второй моей поѣздки въ Ясную Поляну у меня возникла мысль — составить подробное и строго систематическое изложеніе міровоззрѣнія Толстого. Мнѣ казалось, что въ подобномъ изложеніи читателемъ, особенно интеллигентнымъ, ощущается большой недостатокъ, тѣмъ болѣе, что книги и брошюры религіозно-общественного содержанія, написанныя Толстымъ, очень многочисленны и посвящены обыкновенно какому-нибудь отдельному вопросу. Подробное знакомство съ ними не для всѣхъ представляется возможнымъ и удобнымъ, а отсутствіе знакомства питаетъ въ публикѣ часто совершено ложныя представленія о міровоззрѣніи Толстого.

Приступивъ къ работе и знакомясь все болѣе и болѣе подробно со всевозможными писаніями Л. Н-ча, я почувствовалъ недостатокъ въ материалахъ для точного опредѣленія взгляда Толстого на задачи, границы и методы образованія. Я не могъ не замѣтить, что педагогическія статьи IV тома Собранія сочиненій во многомъ противорѣчили позднѣйшимъ, хотя и весьма немногочисленнымъ, писаніямъ Толстого по вопросамъ воспитанія и образованія. Почти исчерпывающая вопросъ, статья „О ложной наукѣ“ тогда не была еще написана.

Въ виду всего этого я рѣшилъ обратиться съ письменнымъ запросомъ непосредственно къ самому Л. Н-чу. Изложивъ планъ моей работы и содержаніе того, что уже было написано, я указалъ на препятствіе, которое представилось мнѣ, и просилъ Л. Н-ча отвѣтить на рядъ вопросовъ, касавшихся образования и воспитанія.

Очень скоро я получилъ открытку отъ секретаря Л. Н-ча Н. Н. Гусева (отъ 8 апрѣля 1909 г.), въ которой, между прочимъ, значилось:

„Левъ Николаевичъ проситъ написать вамъ, что ему было очень пріятно получить ваше письмо и онъ очень радъ, чѣмъ

можетъ, содѣйствовать вамъ. На ваши вопросы онъ отвѣтить послѣ того, какъ перечтеть тѣ статьи, о которыхъ вы упоминаете“.

По прошествіи мѣсяца получился и отвѣтъ Л. Н-ча, въ видѣ обширнаго письма или, вѣрнѣе, статьи, написанной въ формѣ письма.

„Ваше письмо подало Льву Николаевичу поводъ написать большую статью обѣ образованіи и воспитаніи, которую и посылаю вамъ“, — писалъ Гусевъ въ сопроводительной запискѣ.

Письмо Л. Н-ча (датированное 1 мая 1909 г.) начиналось такъ:

„Постараюсь исполнить ваше желаніе: отвѣтить на ваши вопросы.

Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи давнишнихъ и послѣднихъ окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ—да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отставать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю обѣ этихъ предметахъ.

Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ тогдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить обѣ одномъ образованіи, о томъ, въ чёмъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ приемовъ образования, и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ“...

Далѣе следовало изложеніе взглядовъ Л. Н-ча по существу.

Заканчивалось письмо словами:

„Вотъ все, что имѣль сказать. Буду радъ, если это пригодится вамъ.

Левъ Толстой“.

Нечего и говорить о моей радости отъ доброты Льва Николаевича. Моимъ запросамъ письмо вполнѣ удовлетворяло, и высказанными въ немъ мыслями я воспользовался для своего изложенія *).

*) Письмо это, подъ заглавиемъ „Главная задача образования“, полностью напечатано въ сборникѣ статей Л. Н. Толстого „О наукахъ“, Москва, изд. „Единенія“, подъ ред. В. Г. Черткова, 1917.

Работу свою, которую я назвалъ „Христіанская Этика“, съ подзаголовкомъ „Систематические очерки міровоззрѣнія Л. Н. Толстого“, я закончилъ въ декабрѣ 1909 года *).

По совету нѣкоторыхъ друзей, я рѣшился показать ее Л. Н-чу: мнѣ указывали, главнымъ образомъ, на необходимость удостовѣриться у самого Толстого, не допустиль-ли я въ чёмъ-нибудь невольнаго извращенія его взглядовъ въ своей работе.

Передъ самыми Рождествомъ, 22 декабря 1909 года, захвативъ рукопись „Христіанской Этики“, я съ ночнымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Москвы въ Ясную Поляну.

Около 9 часовъ утра на слѣдующій день я уже подходилъ снова къ знакомому мнѣ жилищу Л. Н. Толстого.

На крыльцѣ стоялъ и ласкалъ собакъ невысокій, сухонькій пожилой человѣкъ, съ сѣдѣющей свѣтлой бородкой клинышкомъ, одѣтый крайне скромно, чтобы не сказать бѣдно: старенькая потертыя брюки, старый жилетъ съ большими странными блестящими пуговицами, одѣтый поверхъ мягкой рубашки съ отложнымъ воротникомъ, но безъ галстука, круглая шапочка на головѣ.

Увидавъ меня, незнакомецъ оставилъ собакъ, поздоровался и спрavился о цѣли моего прихода. Я объяснилъ. Сухонькій человѣкъ радушно улыбнулся, заявилъ, что его очень интересуетъ моя работа, и пригласилъ меня въ домъ.

Оказалось, что я встрѣтился съ Душаномъ Петровичемъ Маковицкимъ, домашнимъ врачомъ и другомъ Льва Николаевича. Душанъ Петровичъ былъ словакъ по происхожденію, чѣмъ объяснялся сильный иностранный акцентъ его рѣчи.

— Левъ Николаевичъ сейчасъ пойдетъ гулять, — сказалъ Д. И., — и вы побесѣдуете съ нимъ послѣ прогулки... Это лучше будетъ, я знаю!

Разумѣется, я со всей охотой исполнялъ то, что предлагалъ мнѣ Д. П. Мы просидѣли въ его комнатѣ около часа, въ теченіе котораго я успѣлъ познакомиться съ прекрасной личностью этого преданнѣйшаго друга и ученика Л. Н-ча.

Но вотъ дверь за перегородкой изъ шкафовъ скрипнула, и раздался знакомый, но теперь какъ-будто болѣе постарѣвшій и слабый голосъ дорогого человѣка:

— Д. П., пришелъ кучеръ и просить перемѣнить ему книжки. Дайте ему, пожалуйста!

*) Издана въ Москвѣ, Издател. Комиссіей Московск. Совѣта Солдатск. Депутатовъ, въ 1917 году.

Душанъ (такъ зовутъ Маковицкаго друзья и крестьяне, какъ я узналъ послѣ) торопливо вышелъ изъ комнаты, а я поднялся навстрѣчу Л. Н-чу.

Онъ уже вышелъ изъ-за шкафовъ.

— Гдѣ же это вы прятались, пропадали-то?—обратился онъ ко мнѣ, протягивая руку.—Мнѣ сказали, что вы меня у крыльца ждете.

— Мнѣ Д. П. сказалъ, Л. Н., что лучше поговорить съ вами послѣ прогулки.

— И напрасно, вотъ напрасно!—проговорилъ Толстой. Пойдемте еще со мной, пройдемтесь.

— Вы, Л. Н., устали, навѣрное?

— Нѣть, ничего.

Я вышелъ въ переднюю и стала одѣваться. Толстой стоялъ и поглядывалъ на меня, ожидая. Онъ былъ въ желтой круглой войлочной шапочкѣ, синей теплой поддевкѣ, галошахъ-ботикахъ и съ тростью-раздвижнымъ стуломъ въ рукѣ.

Когда мы вышли, то увидѣли у крыльца трехъ-четырехъ бабъ, бѣдно одѣтыхъ. Низко кланяясь, они обратились ко Л. Н-чу съ просьбой о помощи. Однимъ онъ далъ деньги, другимъ сказалъ, что самъ забѣдетъ ехъ тѣмъ, за кого онъ просятъ.

— У васъ нѣть полтинника?—обратился онъ ко мнѣ, между прочимъ.

Я обыскалъ всѣ карманы и заявилъ, что у меня имѣется только трехрублевая бумажка и гривенникъ.

— Ну, не нужно.

И онъ далъ бабамъ изъ своего кошелька.

Мы пошли по расчищеннымъ отъ снѣга дорожкамъ сада.

Я рассказалъ Л. Н-чу о своей работѣ, о ея планѣ, о подраздѣленіи на части и т. п.

— Вотъ вы говорите, что отдѣльныя главы посвящены у васъ изложенію ученія о государствѣ, о церкви. И я боюсь, что вы сдѣлали ошибку, какую часто дѣлаютъ, приписывая мнѣ какое-то особое ученіе о государствѣ. Вотъ на-дняхъ въ одной газетѣ, излагая дѣятельность анархистовъ въ Россіи, въ первую голову называютъ анархистомъ меня *). Между тѣмъ я не проповѣдую никакого особенного ученія о государствѣ, а указываю, главнымъ образомъ, на необходимость религіознаго руководства въ жизни. И мое ученіе вовсе не политическое

*) Л. Н. имѣлъ въ виду рядъ статей, появившихся какъ разъ въ это время въ „Русскомъ Словѣ“ подъ общимъ названіемъ: „Нелегализованныя партіи въ Россіи“ (по офиц. источникамъ).

по преимуществу, а религіозное, относящееся къ личности каждого отдельного человѣка. Конечно, если люди проникнутся религіознымъ учениемъ, то теперешнее устройство міра не можетъ продолжаться и должно измѣниться.

Я отвѣтилъ Л. Н-чу, что я такъ же смотрю на сущность его взглядовъ и что какъ разъ вся первая половина моей работы посвящена изложению религіозной основы его міровоззрѣнія, а уже затѣмъ, какъ прямое слѣдствіе, идетъ изложение его взглядовъ на государство, собственность, трудъ, науку и т. д.

— Это интересно! — произнесъ Л. Н.

— Въ одной газетѣ даже назвали мое учение (а я только излагаю Христово учение) материалистическимъ, — замѣтилъ Л. Н., когда я сказалъ, что одной изъ цѣлей моей работы является желаніе устранить ту путаницу, которая господствуетъ во взглядахъ широкихъ круговъ публики на Толстого и тѣ нелѣпицы, которые часто приписываются Толстому по совершенному незнанію его дѣйствительныхъ взглядовъ.

Затѣмъ, рассказывая о своей личной жизни, я сообщилъ Л. Н-чу, что выхожу изъ университета и осенью хочу отказываться отъ воинской повинности.

— Помогай вамъ Богъ, помогай Богъ! — сказалъ Л. Н-чъ и добавилъ: — Мой взглядъ на это дѣло такой: отказываешься потому, что иначе дѣлать не можешь. Ну, вотъ какъ мнѣ бы сказали, чтобы я зарѣзалъ собаку, я бы не могъ, просто не могъ, — точно такъ же не можетъ человѣкъ стать во фронтъ, сдѣлать на плечо и т. п. Конечно, у разныхъ лицъ могутъ быть разныя условія жизни: у одного на рукахъ семья, у другого мать. И я это допускаю: такой человѣкъ можетъ уклониться. Но я всегда въ такихъ случаяхъ говорю и совѣтую одно: если уклоняешься, то не оправдывай себя, а сознай свой грѣхъ. Такъ это недавно было съ однимъ моимъ знакомымъ крестьяниномъ... Матери жаль видѣть свое дѣтище, которое она носила и кормила, подвергнутымъ такому тяжкому испытанію, но имъ всегда можно привести одно утѣшеніе. Сынъ можетъ сказать: „Матушка! если я не откажусь, то вѣдь все равно случится опять какая-нибудь Японская война, и меня убьютъ, если я буду солдатомъ“... Только если дѣлать это для славы людской, то это нехорошо, и слабо, непрочно...

О моей работе Толстой еще сказалъ:

— Лучшимъ судьей о вашей работе и лучшимъ, чѣмъ я, можетъ быть Чертковъ, Владимиръ Григорьевичъ. И я это не нарочно говорю, а вполнѣ серьезно. Я ее буду просто читать, и мнѣ она можетъ быть интересна, можетъ понравиться, — и

только; а онъ, придавая мнѣ, вообще, несвойственное мнѣ большое значение, собираетъ все, что меня касается, и сейчасъ, напримѣръ, работаетъ надъ огромнымъ сводомъ моихъ мыслей изъ всѣхъ моихъ произведеній — и литературныхъ и позднѣйшихъ... Такъ онъ вамъ скажетъ лучше всего о вашемъ сочиненіи. Отъ меня вы непремѣнно поѣзжайте къ нему...

Мы вошли въ домъ. Л. Н. взялъ у меня мою очень объемистую рукопись и заявилъ, что я позавтракаю съ ними, пообѣдаю и переночую, пока онъ прочитаетъ ее и поговоритъ о ней со мной.

— Я скоро умѣю читать, — сказалъ онъ.

Я остался въ приемной внизу, а Л. Н. пошелъ къ себѣ наверхъ. Но не прошло и получаса, какъ я услышалъ его голосъ, который звалъ кого-то: „Всеволодъ!.. Всеволодовичъ!..“ Ко мнѣ въ комнату заглянула дочь Л. Н-ча Александра Львовна.

— Л. Н. васъ зоветъ.

Я улыбнулся и поспѣшилъ къ нему.

Толстой стоялъ на верху лѣстницы въ верхній этажъ.

— А я только затѣмъ вышелъ, чтобы сказать вамъ, что первая глава вашей книги изложена прекрасно, очень хорошо изложена!

— Очень радъ, Л. Н., — могъ только сказать я.

— Только для этого пришелъ, — повторилъ Толстой, повернулся и ушелъ обратно.

За завтракомъ наверху, въ столовой, гдѣ я былъ впервые и гдѣ впервые же встрѣтился съ Софьей Андреевной Толстой, а также съ М. А. Шмидтъ („самой ярой толстовкой, какую она видѣла“, по выражению С. А-ны) и переписчицей сочиненій Толстого на ремингтонѣ, В. М. Феокритовой, Л. Н. сидѣлъ рядомъ со мной и все угождалъ меня.

— Кушайте, пожалуйста, вы этого мало взяли, — говорилъ онъ, кладя мнѣ руку на рукавъ, такимъ убѣдительнымъ тономъ, что я не ослушивался, тянулся съ ложкой и бралъ еще „этого“. — Завтракъ для всѣхъ былъ вегетаріанскій.

Междур прочимъ, узнавъ, что я сибирякъ и уроженецъ Томской губерніи, Л. Н. задалъ мнѣ вопросъ:

— Я плохо знаю географію: скажите, пожалуйста, далеколи Томскъ отъ границы?

— Какой, китайской? — спросилъ я.

— Да, китайской, японской...

Я отвѣчалъ, что приблизительно (отъ китайской границы) версты, кажется, 750, но что, по нашимъ сибирскимъ раз-

стояніямъ, это не считается особенно далеко, какъ не считаются у насъ длинными переѣзды въ 2—3 дня, которые для жителя Европейской Россіи являются уже значительнымъ путешествіемъ.

Л. Н. удивлялся.

Послѣ завтрака Л. Н. подошелъ къ М. А. Шмидтъ и разговаривалъ съ ней. Я стоялъ по другую сторону стола.

— Никогда нельзя требовать отъ людей и хотѣть въ нихъ совершенной святости,— говорилъ Л. Н., — а только — приближенія къ ней.

Онъ повернулся въ мою сторону.

— Иначе не зачѣмъ было бы и жить... Мы должны постоянно вытираться.

— Вотъ теперь я въсъ узналъ,— добавилъ онъ внезапно, т.-е., онъ припомнилъ мое лицо послѣ того, какъ я былъ у него около двухъ лѣтъ тому назадъ.

До обѣда, отъ 12 до 6 часовъ, я просидѣлъ въ комнатѣ Душана Петровича за чтеніемъ послѣднихъ рукописныхъ статей Л. Н-ча. Пришелъ Д. П.

— Л. Н. сказалъ мнѣ сейчасъ, что ваша работа очень интересна. Я очень радъ за васъ.

Обѣдать также со Л. Н-чемъ. До обѣда онъ отдыхалъ и щѣздили верхомъ, и моей рукописи не читалъ. Онъ вышелъ съ ней уже къ чаю, въ 9 часовъ, утомленный, съ красными вѣками. Оказывается, онъ успѣлъ половину ея прочитать и другую — внимательно просмотрѣть.

Я высказалъ свое невольное удивленіе, какъ могъ Л. Н. сдѣлать это такъ быстро.

— Я умѣю читать! — возразилъ онъ и указалъ на довольно многочисленныя отмѣтки свои въ текстѣ и на поляхъ рукописи: — Видите, я внимательно читалъ!

Тутъ же онъ высказалъ свое мнѣніе, что я все-таки долженъ еще переработать рукопись, — главнымъ образомъ, руководствуясь его поправками. Просмотрѣть эти поправки и сказать о нихъ свое мнѣніе Л. Н. просилъ меня тутъ же, въ Ясной Полянѣ.

Я занялся этимъ послѣ чая и на слѣдующее утро.

Поправки Л. Н-ча оказались очень любопытными въ разныхъ отношеніяхъ. Въ отрывкѣ одной главы, излагавшемъ взглядъ Л. Н-ча на семью и бракъ, Л. Н. вычеркнулъ заимствованное мною изъ одного его сочиненія разсужденіе о томъ, что нельзя требовать отъ всякой женщины того, что мы привыкли находить въ каждомъ мужчинѣ, такъ какъ все-таки духовные задатки въ женщинѣ слабѣе. Повидимому, Л. Н. не хотѣлъ

возводить этого взгляда,—который онъ, быть можетъ, какъ отдельный человѣкъ, и раздѣлялъ,—въ принципъ. Вычеркнулъ также Л. Н. все, что говорилось о вегетаріанствѣ, какъ о первой ступени нравственнаго совершенствованія. Въ главѣ о наукахъ Л. Н. просилъ особенно подчеркнуть и объяснить подробнѣе, что истинная наука только та, которая изслѣдуетъ вопросъ, какъ лучше прожить человѣку его недолгій вѣкъ на землѣ. Изъ собственоручныхъ его поправокъ интересна, напримѣръ, такая, сдѣланная въ концѣ одной главы: „Вся глава эта неудовлетворительна по моей винѣ“. Л. Н. разумѣлъ несовершенства той своей работы, которой я, при изложеніи этой главы, пользовался, именно брошюры „Христіанское ученіе“, гдѣ ему не нравилось слишкомъ схематическое раздѣленіе и перечисленіе „грѣховъ“, „снабжавъ“ и „суевѣрій“. Другія поправки Л. Н. часто дѣлалъ въ формѣ вопросовъ: „Не выпустить-ли?“ „Не сократить-ли?“

Уже на другой день, послѣ того, какъ я просмотрѣлъ всѣ поправки, Л. Н. говорилъ мнѣ, что ему интересно было прощать все, что онъ писалъ, сразу въ связномъ изложеніи и что я совершенно приблизился къ вѣрному пониманію его взгляда. По поводу же того, что я хочу писать къ книгѣ вступленіе, гдѣ подвергну разбору критическая статья о Толстомъ, онъ сказалъ:

— Боюсь, какъ бы вы не впали въ полемическое многословіе.

А потомъ махнулъ рукой и добавилъ:

— Ну, да дѣлайте, какъ хотите!

Совѣтовалъ еще написать обязательно заключеніе къ книгѣ, въ видѣ общаго резюме, которое просилъ прислать ему для просмотра.

Кстати о критикахъ. Я говорилъ, что они часто совершенно не знаютъ, не понимаютъ Толстого; оттого, опровергая его и вообще разсуждая о немъ, часто пользуются совсѣмъ примитивными приемами и т. д.

И такъ даже — считающаяся серьезной критика.

— Ну, кто, кто, напримѣръ? — допытывался Левъ Николаевичъ.

— Ну, напримѣръ, Михайловскій, въ своей очень известной у насъ статьѣ „Десница и шуйца гр. Л. Н. Толстого“.

— Да, да!.. — задумчиво протянулъ Толстой.

Я довольно нелестно отозвался также объ изслѣдованіи Мережковскаго „Левъ Толстой и Достоевскій“.

— Слава Богу, я его не читалъ! — замѣтилъ Л. Н.

— Никогда не слыхалъ! — сказалъ онъ о Лѣвѣ Шестовѣ, узнавъ, что это теперь „модный“ философъ.

Изъ его рѣчей помню еще, какъ онъ говорилъ:

— Да, это величайшая тайна, почему одни воспринимаютъ истину, а другие нѣтъ. Вотъ хотя бы какъ мои дочери и сыновья...

Извѣстно, что всѣ три дочери Л. Н-ча — Татьяна Лѣвовна, Марья Лѣвовна и Александра Лѣвовна — раздѣляя взгляды Л. Н-ча, всегда были преданными друзьями своего отца и помощницами въ его работѣ.

Л. Н. подарилъ мнѣ и еще одному молодому человѣку, электро-технику изъ Москвы, пріѣхавшему утромъ 24 числа, по 4 вышедшихъ выпуска своей новой работы „На каждый день“, и, безъ просьбы съ нашей стороны, надписалъ ихъ. Мнѣ надписалъ: „Валентину Федоровичу Булгакову Левъ Толстой“. И во время писанія приговаривалъ:

— Это я вамъ не для автографа дѣлаю, а для того, чтобы вы больше читали и чтобы эта книга оказывала на васъ такое же благотворное дѣйствіе, какъ на меня.

Въ Москву я получилъ порученіе отъ Л. Н-ча: передать его единомышленнику студенту университета японцу Д. П. Кониси для перевода японское письмо, полученное въ Ясной Полянѣ. Кромѣ того, Л. Н. далъ мнѣ и электро-технику — на двухъ одно — письмо къ В. Г. Черткову. При прощаніи оба мы расцѣловались со Л. Н-чемъ.

Кстати, нечаянныій спутникъ мой разсказывалъ мнѣ, что когда онъ утромъ, только что пріѣхавъ и идя къ дому Толстыхъ по аллѣ, встрѣтилъ Льва Николаевича, вышедшаго на прогулку, то послѣдній сначала, ни слова не говоря, подошелъ къ нему и застегнулъ на пуговицы полы его разстегнутаго пальто (на улицѣ былъ порядочный морозъ), а потомъ уже задалъ вопросъ:

— Что вамъ угодно?

Пріѣжалъ юноша къ Л. Н-чу съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться, какъ ему лучше осуществить свое давнишнее желаніе — уйти изъ города и поселиться въ деревнѣ, отдавшись землемѣрческой работѣ. Л. Н. уговаривалъ молодого человѣка не торопиться съ выѣзжей перемѣной и оставаться въ городѣ, говоря, что вездѣ жить можно. Вѣроятно, благодаря своей проницательности, онъ уже зналъ молодого человѣка гораздо лучше, чѣмъ тотъ самъ себя.

У Чертковыхъ въ Крекшино.

(Январь 1910 г.).

Въ первыхъ числахъ января 1910 г. я посѣтилъ В. Г. Черткова, который жилъ тогда въ имѣніи своихъ родственниковъ Пашковыхъ Крекшино, недалеко отъ Москвы по Брянскй ж. д.

Познакомившись съ моей работой, Вл. Гр. подалъ мнѣ мысль — попросить Л. Н-ча написать нѣсколько строкъ въ видѣ предисловія къ книгѣ, чтобы, такимъ образомъ, получить рекомендацио для издателя. На этотъ шагъ я ни за что не рѣшился бы самъ, но близость Черткова ко Л. Н-чу и то обстоятельство, что Л. Н. самъ послалъ меня къ своему другу, дали мнѣ смѣость позже послѣдовать совѣту Вл. Гр-ча.

Между тѣмъ, въ первый же день, какъ я прїѣхалъ въ Крекшино, В. Г. сдѣлалъ предложеніе мнѣ лично: быть его со-трудникомъ въ дѣлѣ распространенія нашихъ общихъ взглядовъ, переписки съ единомышленниками и подготовки для печати со-ответствующихъ изданій. Я съ радостью согласился на это. Вернувшись въ Москву, я ликвидировалъ тамъ свои дѣла и черезъ нѣсколько дней перѣѣхалъ въ Крекшино.

Какъ странно, какъ ново мнѣ было очутиться послѣ уединенной студенческой комнатки въ этомъ большомъ, въ духѣ англійскихъ котэджей построенному дому, окруженному пре-краснымъ хвойнымъ лѣсомъ! Внутренняя жизнь дома была жизнь большой семьи, хотя собственно самая-то семья Чертковыхъ состояла всего изъ трехъ человѣкъ: отца съ матерью и един-ственного 18-лѣтняго сына Димы, одѣвавшагося по-деревенски, игравшаго на гармошкѣ и чрезвычайно привлекательного своей милой молодой веселой беспечностью. Помогалъ В. Г. Черткову въ работахъ, въ качествѣ его секретаря, А. П. Сергеенко, сынъ извѣстнаго литератора. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ его млад-ший братъ 13-лѣтній мальчикъ Лева, мечтавшій сдѣлаться пи-сателемъ. Переписчица на ремингтонѣ, домоправительница, ра-ботники, женская прислуга, хозяева — всѣ садились во время

объда, ужина и чая за общій столъ,—веселые, сияющие, видимо дружные между собой и простодушные.

Въ концѣ стола занималъ мѣсто В. Г. Чертковъ. Привѣтливый, крупный и красивый, съ англизированнымъ барскимъ произношеніемъ, онъ производилъ на меня наибольшее впечатлѣніе. Я чувствовалъ въ немъ выдающагося человѣка и благоговѣлъ передъ его дружбой съ Толстымъ.

Впослѣдствіи я коротко познакомился съ семьей Чертковыхъ и съ жизнью чертковскаго дома,—безъ сомнѣнія, одного изъ самыхъ интересныхъ и своеобразныхъ домовъ, какіе только бывали на свѣтѣ. Но тогда, сошедшись впервые послѣ долгаго теоретического изученія Толстого со столькимъ числомъ его единомышленниковъ, я страшно идеализировалъ весь бытъ моихъ новыхъ друзей. Въ этой идеализациѣ, пожалуй, не было нужды: люди, которыхъ я узналъ, въ большинствѣ дѣйствительно обладали рѣдкими достоинствами. Но мнѣ маленькая колонія „толстовцевъ“ представлялась почти земнымъ раю.

Помню, какъ нерѣдко забѣгалъ въ мою комнату, выходившую окномъ на тихую, снежную, окаймленную старыми елями поляну, маленький босоногий мальчуганъ Костя, семилѣтній сынъ одной изъ служащихъ Чертковыхъ. Онъ скакалъ по всему дому верхомъ на палочкѣ и, причмокивая губами, подгонялъ свою лошадку... У него были мягкие длинные льняные волосы, подстриженные въ кружокъ, большие синіе глаза и тонкое, одухотворенное лицико,—какія среди крестьянъ можно встрѣтить только въ коренной Россіи, а не у насъ въ Сибири, гдѣ народъ некрасивъ, черенъ и грубоватъ. Я ласкалъ Костю и все приставалъ къ нему съ вопросами: знаетъ ли онъ о Христѣ и пр. Костя казался мнѣ маленькимъ святымъ, вырастающимъ на самой благопріятной почвѣ, въ наилучшей духовной атмосферѣ. Но ребенокъ, въ отвѣтъ, только своимъ встрѣхивалъ головкой, будто конь гривой, испускалъ тоненькимъ голоскомъ громкое „и-го-го!“ и скрывался отъ меня въ другія комнаты, отшлепывая по полу босыми ноженками...

Хотя я и предполагалъ, что я „совсѣмъ“ перебрался къ Чертковымъ, но я ошибся. Въ этотъ разъ мнѣ довелось прожить у нихъ не болѣе недѣли.

Оказалось, что пока яѣздила въ Москву за своими вѣщами, Вл. Гр., списавшись предварительно со Л. Н-чемъ, пришелъ къ заключенію о необходимости переселить меня на его хуторъ Телятенки, въ 3 верстахъ отъ Ясной Поляны, съ тѣмъ, чтобы я могъ посильнѣ помочь въ работахъ самому Л. Н-чу: главнымъ образомъ, въ перепискѣ, а также при составленіи

новыхъ выпусковъ сборника „На каждый день“. Въ общемъ, я долженъ быть замѣнить Н. Н. Гусева, незадолго передъ тѣмъ административно сосланного въ Пермскую губернію, по обви-ненію въ распространеніи запрещенныхъ статей Толстого.

Нечего и говорить о томъ, какъ поразило и обрадовало меня новое, совершенно неожиданное предложеніе Вл. Г-ча. Конечно, я готовъ былъ бѣхать въ Телятенки когда угодно.

И вотъ, снова собравъ свои пожитки, снаженный пись-момъ В. Г. Черткова къ Толстому, отправился я изъ Крекшина черезъ Москву на Тулу.

Междуд прочимъ, я получилъ отъ В. Г. Черткова нѣсколько словесныхъ порученій ко Л. Н-чу. И, когда я ихъ выслушивалъ, мнѣ такъ странно, такъ необычно было думать, что всѣ эти просто произносимыя В. Г-чемъ фразы: „скажите Льву Николаевичу... попросите Льва Николаевича“, — относятся къ нему, ко Льву Николаевичу, къ Толстому, и что это я долженъ буду, лицомъ къ лицу, повторять ихъ ему. То, что всегда было такимъ отдаленнымъ, почти сказочнымъ и миѳическимъ, — становилось простымъ, обыденнымъ и близкимъ. Великій образъ приближался, готовъ былъ облечься въ плоть и кровь, соединиться съ твою жизнью, — и я заранѣе трепеталъ этого приближенія и соединенія.

Дни, проведенные въ Крекшинѣ у Чертковыхъ, были одними изъ самыхъ счастливыхъ въ моей жизни по тому рѣдкому душевному равновѣсію, которымъ я пользовался въ теченіе этихъ дней, впервые раздѣляя общество людей, близкихъ мнѣ по своимъ задушевнѣйшимъ убѣжденіямъ.

Теперь на мою долю выпадало новое и совершенно неожиданное счастье — быть около Льва Николаевича Толстого. Было совсѣмъ, что только я одинъ могу имъ воспользоваться, и хотѣлось желать всѣмъ другимъ людямъ такого же счастья.